

Рассказ «Последний день героя».

Посвящается памяти Кютинена Даниила Ивановича (1883-1942) - блокадного пекаря, умершего зимой 1942 года от истощения на рабочем месте.

Гончарова Екатерина Вадимовна
ученица 7 класса МБОУ СОШ №30
г. Пятигорска Ставропольского края,
2022 г.

Работа отмечена жюри Конкурса творчества учащихся на родных языках, организованного в рамках проведения Международного Мастер-класса учителей родного, в том числе русского, языка. Федеральный институт регионального образования РАНХиГС.

Я вспоминаю хлеб блокадных лет,
Который в детском доме нам давали.
Не из муки он был - из наших бед,
И что в него тогда только не клали!
Хлеб был с мякиною, макухой и ботвой,
С корой. Колочий так, что режет десна.
Тяжелый, горький - с хвоей, лебедой,
На праздник, очень редко - чистый просто.
Л. Хямельянина.

- Мама, мама! – кричу я. Она стоит у стола и режет хлеб. Он дразнит своим манящим кисловатым запахом. Я знаю, что она купила его утром в булочной напротив нашего дома, чтобы напоить меня тёплым молоком и накормить ломтем хлеба, щедро намазанным маслом. Оно тает на тёплом куске и впитывается в ноздреватую мякоть...

-Мама! - настаиваю я, но она не оглядывается, увлечённая своим нехитрым занятием.

Лучи солнца еле-еле проглядывали сквозь заляпанное грязью и пылью оконное стекло, оповещая о новом дне. Это был сон! Как наяву! И конечно же, это было совершенно обыкновенное утро, которое не отличалось от множества других, но на войне в этом и заключалось счастье. То самое счастье, когда ты, пусть и с трудом, продираешь глаза, ощущаешь тяжелую боль в области живота, рук и ног, но к тебе приходит осознание лишь одного. Ты чувствуешь! Пусть эти ощущения нельзя назвать приятными, но тебя волнует только одно. Ты жив! И эта, совсем крохотная, мелочь, способна вселить веру и придать сил, которых и так оставалось ничтожно мало.

Сегодня я видел во сне маму. Мамочку, которая умерла в начале блокады. Слабое сердце самого дорогого человека не выдержало свиста разрядов и визга

тревожных сирен, возвещавших об обстреле. Каждый раз она вздрагивала, плакала, не могла совладать с собой...

С трудом поднявшись с кровати, передвигая ватными ногами, я отправился на свое рабочее место, ведь я знал: если сегодня не приду туда, тысячи людей погибнут от голода. И я шел. Шел работать в пекарню.

Полуразрушенный посеревший подъезд угнетающе давил, одолевало желание быстрее покинуть его. На улице был конец декабря. В небе плавно, словно танцуя вальс, кружились снежинки. Думаю, большинству людей придет в голову удивительное время преддверия новогоднего чуда. Вокруг было белое покрывало из сахарной пудры, той самой, которой покрывают клюкву в кондитерских. А ещё это было похоже на плавленый сыр, которым мажут булочку белого хлеба на завтрак...Я сглотнул и пошел дальше...

Неожиданно из-за поворота появились очертания знакомой фигуры. Так как особо хорошим зрением я не отличался, некоторые сомнения еще присутствовали, но, немного погодя, они рассеялись. Я окликнул прохожего:

-Лешка! Леш! Алексей Михалыч!

Прохожий остановился. Немного помявшись, он все-таки ответил:

-Чего тебе, Данька?

Алексей Михалыч, или же Лешка, -мой лучший друг детства. Наши матери дружили, и поэтому мы с ним вместе чуть ли не с пеленок. В настоящем времени Лешка врач-судмедэксперт, а я пекарь.

-Новости какие?

Алексей Михалыч вдруг помрачнел.

-Васька Шустрый умер.

Тут у меня сердце в пятки ушло. Васька, пусть и был пьяницей, все-таки был неплохим человеком.

-А как так получилось-то? – спросил я.

-Переохлаждение. Вытащил все свои последние запасы самогона да, напившись, выбежал на мороз, тут и крякнулся, пьяница эдакий.

Алексей Михалыч уже собирался развернуться ко мне спиной, как я задал еще один вопрос:

-Слушай, а куда ты идешь?

-Ты знаешь, здесь же недавно завод сахарный сгорел, все горожане туда идут за землей, она ведь сладкая. Все есть хотят. Я тоже иду. Может, и мне кусочек перепадет...Ну, бывай, дружище.

Алексей Михалыч развернулся и, передвигая худющими ногами, отправился по своим делам.

Если быть честным, я бы тоже с удовольствием пошел за землей. Есть хотелось невероятно. Однажды я ее уже пробовал. Она была похожа на жирный творог. Слюна уже текла изо рта, а ноги сами шли к месту источника пропитания, но тут помутневший разум ко мне вернулся. Я вспомнил людей, которые ждут хлеба, и тут же поторопился избавиться от манящих мыслей и пошёл на работу...

Все улицы, переулки, по которым я шел, были переполнены мусором, обломками мебели, которая лежала во дворах, разрушенных после недавнего

обстрела дворов и которую ещё не успели растащить для обогрева, а также полусгнившими изуродованными трупами людей и животных. Это может показаться аморальным, но, чтобы выжить, людям приходилось есть животных. Были, конечно, люди, при виде которых исхудалый народ содрогался. Щеки этих «личностей» горели румянцем. Это каннибалы.

От трупов исходил отвратительный запах, давящий на голову все сильнее и сильнее. Они были повсюду.

Вдруг в одном из переулков я увидел душераздирающую картину. Одна исхудалая женщина, настолько изуродованная и исхудалая, что нельзя было точно определить ее возраст (а пол я понял только по лохмотьям, напоминающим юбку), качала на руках труп ребенка, улыбаясь ему и что-то напевая. Глаза ее были полны безумия, любви, боли, отчаяния, надежды... Все вместе. Вдруг она резко повернула голову в мою сторону и начала дико верещать. Крики ее были непонятны и неразборчивы. Было понятно, что она сошла с ума. Эти крики напомнили мне маму. Почему? Почему она стоит сегодня перед глазами? От этого зрелища я поспешил уйти как можно скорее.

Впрочем, куда подальше-то, вот и мое место работы – небольшая пекарня с когда-то синей, но уже выцветшей от времени вывеской.

Внутри уже стояли мешки с продуктами для хлеба. Ну как, продуктами, это, впрочем, даже комбикормом нельзя назвать. Я встал на свое место и начал замешивать тесто.

Удержать миску было трудно, руки дрожали и не слушались. Но даже такими руками приходилось готовить. В миске смешивались жмых, пищевая целлюлоза, обойная пыль, ржаная обойная мука. Удивительно, но это и был рецепт спасения. Скорее бы весна! Можно будет есть траву, щавель какой-нибудь, лебеду, крапиву...

Липкая масса превращалась в небольшие комочки, которые ложились армией на противень. С каждым месяцем порции становились все меньше и меньше, запасы подходили к концу...

Процесс готовки всегда приносил мне удовольствие, так как любовь к этому процессу привила мне мама. С малых лет я подглядывал за тем, как она из обыкновенных продуктов творила волшебство. Сейчас, конечно же, ничего волшебного я создать не могу, но, пока я жив, буду стараться для своей страны – я буду печь!

Вот первая партия готова. Люди спасены. Я приступил ко второй. Вдруг перед моим носом прошмыгнул кто-то маленький и проворный. Это был мой помощник – Колька. Отец его погиб на войне, а мать умерла от лихорадки. Я же приютил пацанёнка из жалости, тем более с работой он отлично справлялся.

Тут я заметил, что одна хлебная булочка пропала с подноса. Увидев в руках подмастерья ту самую булочку, я побледнел. С неким страхом я начал медленно к нему приближаться. А его маленькие бледные, исхудалые ручки все держали ее, и он смотрел на меня перепуганными, полными слез глазёнками. Он уже поднес булочку к своим посиневшим губам, как я выхватил у него заветный продукт. А у мальчонки подкосились ноги, и он обессиленно опустился на пол.

Конечно, если бы я мог, я отдал бы ему булку, но тогда кто-нибудь остался бы без еды, чего я допустить не мог.

- Как ты можешь? Ты поступил подло! Это предательство! – отчитывал я его, но, увидев глаза Кольки, остановился на полуслове. Как объяснить голодному ребёнку, что он уже получил с утра свои 125 граммов? Как?!

Я замолчал. Колька продолжал слабо всхлипывать, прислонившись к пыльному буфету. Я налил стакан воды и поставил возле него, а сам приступил ко второй порции.

Хотел приступить...

Та физическая слабость, которая изводила с утра, взяла верх надо мной: тело не слушалось, а в глазах потемнело. Чувствовал ли я страх? Да. Я боялся, что по моей вине люди останутся голодными. Но рано или поздно этот день должен был наступить. Каждый человек, увидевший войну, думал хотя бы раз об этой темноте. Уже много месяцев я жил с дистрофией, диагноз которой мне поставил врач. Но бороться с болезнью я не мог... Вкус еды стал чужим, абсолютно незнакомым. Говорят, человек привыкает ко всему. Вот и привык.

Такой темноты я еще не видел. Темноты, перерастающей в самый что ни на есть яркий свет. Я не чувствую слабости, голода, я не чувствую ни-че-го. Но...

Я вижу ее! Такую же красивую, как и раньше, с туго завязанной дулькой на голове, в зеленом фартуке с ромашками. Она стоит у плиты и выкладывает на противень пирожки с абрикосовым солнечным вареньем. Мама оглядывается, и я вижу нежную улыбку на её лице.

- Сынок, - говорит она и протягивает ко мне руки...

И я, как в детстве, бегу обнимать ее и чувствую тепло таких мягких и таких родных рук, которые с лаской опустились на мою голову.

Мы встретились. Но теперь уже навсегда...